УДК 316.472.45 DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-1-12-20

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Реутов Е.В.[1]

Социальное доверие и недоверие в обществе характеризуются как результат действия комплекса факторов. К их числу относятся: социокультурные факторы – доминирующие в общественном сознании ценности и установки, поддерживаемые традицией, религиозными и образовательными системами; социоструктурные факторы – уровень и характер социальной дифференциации, многообразие социальных групп и специфика их отношений друг с другом; экономические факторы – характер экономической ситуации, влияющий на социальное самочувствие граждан, их уверенность в своем настоящем и будущем и возможности удовлетворять свои притязания; криминологические факторы – характер криминальной ситуации, уровень преступности, распространенность преступлений, связанных со злоупотреблением доверием; социально–психологические факторы – характер и особенности социализации индивида, роль непосредственного окружения. Совокупность указанных факторов формирует социокультурную матрицу общества, в которой доминирует доверие или недоверие.

Практики, основанные на доверии, повышают эффективность институтов и снижают издержки их функционирования. В условиях массового недоверия общество утрачивает не только ценностное, но и институциональное единство и подвергается архаизации. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» №18-011-00474.

Ключевые слова: социальное доверие, недоверие, факторы доверия / недоверия, легитимность, социальная дифференциация.

FACTORS OF FORMATION OF SOCIAL TRUST AND MISTRUST IN RUSSIAN SOCIETY

REUTOV E. V. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Professor of the Department of Social Technologies, Belgorod National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: reutovevg@mail.ru

Social trust and mistrust in a society are characterized as the result of complex factors. These include: socio–cultural factors – dominant values and attitudes in the public consciousness which are supported by tradition, religious and educational systems; socio–structural factors – the level and nature of social differentiation, variety of social groups and the specifics of their relationship with each other; economic factors – the nature of the economic situation, which affects the social well–being of citizens, their confidence in their present and future, ability to meet their claims; criminological factors – the nature of the criminal situation, crime level, the prevalence of crimes related to the abuse of trust; social and psychological factors – the nature and characteristics of the individual socialization, the role of the immediate environment.

The totality of these factors forms the socio–cultural matrix of society, in which trust or mistrust dominates, and this matrix determines the mass social practice. Practice, based on trust, enhances the effectiveness of institutions and reduces the costs of their functioning. In conditions of mass

Реутов Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: reutovevg@mail.ru

mistrust society loses axiological and institutional unity and is subjected to archaism. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the grant "Mental Inequalities as a Factor of Social Polarization of the Russian Province" No. 18-011-00474.

Keywords: social trust, mistrust, factors of trust / mistrust, legitimacy, social differentiation.

Как и любое социальное явление или отношение высокого уровня сложности и дифференцированности, распространяющееся к тому же на самые разные уровни социальной реальности, социальное доверие (и недоверие) формируется в результате воздействия комплекса социальных факторов. При этом под факторами социального доверия мы будем понимать набор переменных, определяющих характер и уровень социального доверия (как межличностного, так и институционального) и обладающих разной степенью пластичности и изменчивости.

Факторы социального доверия / недоверия можно классифицировать по ряду оснований. Во–первых, в соответствии со структурированием социума по сферам можно говорить о социокультурных, политико–правовых, социоструктурных, экономических, криминологических факторах.

В качестве социокультурных факторов выступают доминирующие в общественном сознании ценности и установки, поддерживаемые традицией, религиозными и образовательными системами и пр. Социокультурные факторы являются, как правило, наиболее ригидными и в наименьшей степени поддающимися изменению или коррекции. Даже в периоды кардинальных социально–экономических и политических трансформаций, институциональных реформ культурные ценности продолжают воспроизводиться, либо вступая в диссонанс с логикой деятельности новых институтов и новыми отношениями, либо подспудно изменяя и эту логику, и смысл отношений. В концепции «советского человека» Ю. Левады соответствующая идеально типическая модель продолжала воспроизводиться и после краха советской системы, а после утраты «в обстановке общественного кризиса» своей нормативной значимости как образца массовых ориентаций и идентификаций превратилась «в мощный дестабилизирующий фактор»[1].

К числу социокультурных детерминант, влияющих на социальное доверие, относятся уровень и характер религиозности общества. В результате социологического исследования, проведенного в ноябре 2012 г. в Белгородской области (N=962 респондента, выборка репрезентативна по полу, возрасту и типу поселения), была выявлена прямая взаимосвязь между характером религиозной самоидентификации и социальным доверием. Среди тех, кто считает себя верующим человеком, о своем доверии большинству людей утверждали 45,47%, о недоверии – 34,64%; среди тех, кто считает себя скорее верующим, – 46,15% и 36,32% соответственно. У неверующих и скорее неверующих фиксируются кардинально иные установки. Так, среди тех, кто не считает себя верующим человеком, лишь 16,36% декларировали доверие большинству людей и 61,82% – недоверие. Среди тех, кто относит себя скорее к неверующим, – 36,36% и 47,27% соответственно.

Данный факт – положительное влияние религиозности на доверие – был также зафиксирован Фондом «Общественное мнение» в ходе исследования, проведенного в ноябре – декабре 2011 г. (N=2000) по заказу НИУ ВШЭ. Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?», к доверию склонились 23% верующих и 18% неверующих респондентов. Однако исследование

[1] Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90–х (отв. ред. Ю.А. Левада). – М.:Мировой океан, 1993. – С. 24.

ОСПИ ИС РАН (июль – август 2012 г.) такой закономерности не выявило: и среди верующих, и среди неверующих тех, кто склонен доверять людям, оказалось по 26% [1].

Политико–правовые факторы доверия определяются структурой и характером властных и правовых отношений в обществе, особенностями политического режима и государственного устройства. Прежде всего данная группа факторов воздействует на характер и уровень институционального и политического доверия, однако может оказаться значимой и для межличностного доверия. Так, А. Папакостас на примере Швеции отмечает значительный прогресс в уровне доверия, достигнутый за счет усиления государственного контроля и проникновения институционального регулирования в приватную сферу[2].

С персоналистским характером политического режима очень часто связан высокий уровень личного доверия главе государства (национальному лидеру), а также в ряде случаев очень сильная амплитуда динамики доверия – от безоговорочного доверия к практически полному разочарованию. Так, сравнивая Россию и Украину по уровню персонификации власти на протяжении постсоветского периода, следует отметить его высокие показатели в обоих обществах. При этом и Россия, и Украина по результатам исследования Gallup World Poll (2008 – 2013 гг., 122 страны) относятся к странам с низким уровнем доверия к институтам (учитывались параметры: поддержка руководства, доверие правительству, доверие к правовым институтам)[3]. Только, в отличие от России, где сформирована ситуация безальтернативности национального лидера, а степень консолидации элит гораздо более сильна, в Украине рейтинг доверия Президенту испытывает резкие спады и подъемы, определяемые электоральными циклами.

Социоструктурные факторы доверия заключаются прежде всего в уровне и характере социальной дифференциации, многообразии социальных групп и специфике их отношений друг с другом. Относительная гомогеннность общества и отсутствие резкой (и, что более важно, нелегитимной) социальной поляризации порождают достаточно схожие и относительно непротиворечивые картины мира у различных социальных акторов, являясь, таким образом, основанием для социокультурного консенсуса. Социоструктурное и стилевое многообразие при отсутствии компенсационных консолидирующих механизмов (сетевых и организационных) порождают социальную атомизацию и индивидуализацию. При этом проблема социальной идентичности индивида становится таковой не только применительно к идентификации с группами и общностями, но прослеживается и в собственном самоопределении. Как пишет З. Бауман, «утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека»[4]. Утрата социальной определенности, размывание статусов и ролей для социального доверия могут иметь амбивалентное значение. Так, в соответствии с концепциями Н. Лумана и А. Селигмена, социальная неопределенность приводит к утрате «уверенности», но создает предпосылки для поиска оснований для «доверия», отличающегося от «уверенности» имманентным риском[5]. При этом следует также отметить

---

[1] Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно–аналитический доклад. – М., 2013. – С.63.

[2] Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. – М.: ВЦИОМ, 2016. – С. 52.

[3] Алишаускене Р., Есипова Н., Новикас С. «Поддержка народа»: что означает уровень политической лояльности в мире? (по материалам Gallup World Poll) // IV Международная социологическая конференция «Продолжая Грушина». – М., 2014. – С. 9. – URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/Gryshin_2014_sbornik_tezisov.pdf (дата обращения: 10.10.2016).

[4] Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – С. 184.

[5] Luhmann N. Trust and Power. New York: John Wiley and Sons. – 1980. – P. 99; Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея–Пресс, 2002. – С.21.

тенденцию к восстановлению значимости в нестабильном мире примордиальных структур, в составе которых индивид стремится найти утраченную определенность и духовную близость. В семейных, этнических, общинных группах такого типа доверие возвращает свою высокую значимость.

Фактор роста социальной поляризации, прослеживающейся не только в разрыве по уровню дохода и богатства, но и в культурно–стилевом и ценностном отношении, заставляет задуматься о диссонансе поведения элит и массовых ожиданий, усугубляющем кризис доверия в обществе.

Одна из социальных функций элиты (элит) – трансляция в социум норм, ценностей и образцов поведения. При этом, в зависимости от характера общественно–политического устройства, элиты и неэлиты могут разделять общие ценности и руководствоваться единой нормативной системой, но могут находиться в различных нормативно–ценностных и стилевых координатах. В обществах современного либо переходного типов распространена установка на интегрированный характер нормативно–ценностной системы, по крайней мере, в ее базовой части. К элитам в данном случае применяются не только функциональные, но и моральные критерии. Между тем в российском обществе явно присутствует конфликт, вызванный несоответствием элитарных практик массовым ожиданиям. В этом проявляется диссонанс между нормативным представлением об элитах как о референтных группах и скепсисом по отношению к ним на дескриптивно–оценочном уровне. «Постсоветская элита, – как отмечают Л. Гудков и Б. Дубин, – лишена свойств меритократии... Будучи социально закрытым и неопределенным множеством, российская элита не имеет отношения к *символической репрезентации ценностей* всего целого»[1].

Элиты утрачивают свою легитимность, а вместе с ней – и доверие. Вслед за этим разрушается доверие и к самой социальной системе, продуцирующей нелегитимные элиты. Как пишет П.М. Козырева: «Нынешняя ситуация, когда права одних людей нарушаются чуть ли не ежедневно, а другие живут вне закона, игнорируя права и свободы сограждан, занимающих более низкое положение в обществе, подрывает доверие между людьми и приводит к увеличению потенциала нетерпимости в обществе»[2].

Особенно большие претензии предъявляются населением России к административно–политическому классу и к его верхушке – политической элите. Несомненно мифологизируя советское общественно–политическое устройство, часть российского общества относится к нему как к своеобразному «золотому веку». Сопоставление качеств советской и российской политической власти соответственно вызывает массу нареканий к последней. Большинство опрошенных Левада–Центром в июле 2013 г. респондентов констатировали полное либо значительное изменение состояния российской элиты по отношению к советской. И в этих изменениях явно преобладают негативные тенденции. Так, нынешняя власть перестала думать о простых людях и преследует только свои интересы, посчитали 50% от числа тех, кто заметил изменения. Противоположное мнение высказали 4%. О том, что она не может справиться с проблемами в стране, высказались 43%. Противоположное мнение («сумела навести порядок в стране») – у 8%[3].

До «крымского консенсуса» общественное мнение расценивало представителей правящего класса преимущественно в отрицательных коннотациях. Это были (данные Левада–Центра,

[1] Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et contra. – 2007. – №3 (11). – С.77.
[2] Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – С.111.
[3] Как изменились люди и власть за 20 лет. URL: http://www.levada.ru/20–08–2013/kak–izmenilis–lyudi–i–vlast–za–20–let (дата обращения: 10.09.2016).

март 2012 г.) либо «люди, озабоченные только своим материальным положением и карьерой» (40%), либо «честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок и последовательный политический курс» (10%), либо «честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса» (9%). Лишь 18% респондентов оценивали их как «хорошую команду политиков, ведущую страну правильным курсом»[1]. В «посткрымский» период политической элите забота о национальной безопасности и других интересах страны стала приписываться чаще. Тем не менее для массового сознания основная цель властной элиты (опрос Левада–Центра, июнь 2015 г.) – это прежде всего «сохранение и укрепление собственной власти» (58%), а не «процветание страны» (30%). И соотношение подобных оценок мало изменилось за последние 15 лет[2].

Таким образом, можно утверждать, что нелегитимность правящего класса как доминирующей элитарной страты, ее отчужденность от общества порождают один из наиболее существенных разрывов социальной ткани российского социума и лежат в основании социального недоверия.

Во всех обществах элиты так или иначе выделяются на фоне неэлиты комплексом объективно–статусных характеристик, а также стилем и образом жизни. Иногда эти различия не столь велики, и тогда элиты, при условии открытости общества, являются референтными группами, на инклюзию в которые ориентированы массовые практики. Но зачастую элиты представляют собой закрытые корпорации, диссонирующие с остальным обществом, а иногда и враждебные ему. Элита и масса в данном случае становятся ключевыми элементами социальной структуры, до предела архаизируя её. Тогда взаимное недоверие массы и элит, а также внутриэлитные контрасты становятся доминантой практически всех типов социальных отношений.

Экономические факторы действуют, как правило, опосредованно – через социальные – и определяются особенностями производственных отношений, экономической ситуацией в обществе и их влиянием на качество жизни, социальную поляризацию и т.п. По результатам проведенных ими межстрановых исследований П. Дж. Зак и С. Нэк отмечают взаимосвязь уровня доверия с уровнем подушевого ВВП, уровнем инвестиционной активности и рядом других экономических показателей[3]. Правда, в данном случае сложно установить, является ли уровень доверия зависимой или независимой переменной.

Можно предположить, что характер экономической ситуации, напрямую формируя ряд показателей социального самочувствия, связанных с возможностями людей удовлетворять свои притязания и уверенностью в своем настоящем и будущем, опосредованно влияет и на уровень социального доверия. Источник этого влияния заключается, во–первых, в уровне социального стресса, обусловленного диссонансом между желаниями и возможностями и дискредитирующего «высокие» социальные ценности, к которым, безусловно, относится и доверие. И, во–вторых, отсутствие уверенности в собственной жизненной ситуации порождает недоверие к себе, к своим силам и ресурсам. А если учесть, что доверие Другому зачастую является проекцией доверия к самому себе, то нетрудно предположить о высокой степени вероятности общего упадка социального доверия в условиях экономической нестабильности.

Проводимые нами в течение последних лет исследования показали достаточно очевидную связь между уровнем генерализованного межличностного доверия и характером экономической

---

[1] Россияне о политическом режиме и людях, которым принадлежит власть – URL: http://www.levada.ru/03–04–2012/rossiyane–o–politicheskom–rezhime–i–lyudyakh–kotorym–prinadlezhit–vlast (дата обращения: 18.09.2016).

[2] Протестный потенциал и восприятие власти. – URL: http://www.levada.ru/2015/07/07/protestnyj–potentsial–i–vospriyatie–vlasti/ (дата обращения: 10.09.2016).

[3] Zak P.J., Knack S. Trust and Growth // Economic Journal. – 2001. – Vol. 111. – № 470. – P. 295 – 321.

ситуации в обществе. В кризисном 2010 году доля респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, составляла 33,1%. По мере улучшения экономической ситуации показатели доверия пошли вверх, однако к 2015 году вернулись в исходное состояние (табл. 1)[1].

Таблица 1 – Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?,%
Table 1 – Do you think most people can or can not be trusted ?,%

	2010	2012	2015
Можно	33,1%	42,41	35,33
Нельзя	51,5%	37,53	48,30
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	15,4%	20,06	16,37

Криминологические факторы социального доверия связаны с тем влиянием, которое оказывает на отношения между людьми криминальная ситуация. Неуверенность людей в собственной безопасности, безопасности своих близких, своего имущества, высокий уровень преступности в обществе, в том числе преступлений, связанных со злоупотреблением доверием, краж и особенно различных видов мошенничества, приводят к деградации отношений доверия в обществе и формированию у его участников ментальных и поведенческих паттернов, ориентированных на «атомизацию», а при неспособности правоохранительных институтов защитить граждан от преступности разрушают доверие и к государственным институтам.

По результатам экспертного опроса (N=30, 2015 год, в опросе участвовали представители общественных объединений Белгородской области), благополучная криминальная обстановка была признана вторым по значимости (после эффективного функционирования органов власти) фактором, способствующим формированию солидарных, добрососедских отношений между людьми, «смягчению» нравов, позитивному развитию общественной морали. Данный показатель был оценен в 4,37 балла по 5–балльной шкале[2].

В соответствии с выделением таких форм социального доверия, как межличностное и институциональное, следует отметить и возможную специфику факторов, определяющих тот и другой тип доверия.

Так, высокий уровень межличностного недоверия в российском обществе в постсоветский период имеет под собой прежде всего «травматическое» основание. Помимо шока от быстрых перемен масса людей испытала сильнейшее воздействие реальных и мифологизированных образцов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм. Соответственно доверие к людям стало рассматриваться либо как слишком большой и непозволительный риск, либо как препятствие к достижению успеха.

Формирование институционального недоверия было обусловлено комплексом причин, среди которых – деинституционализация социальных отношений и неэффективность многих социальных институтов. Деинституционализация обусловлена, в свою очередь, традиционным

[1] Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Роль доверия в организации социального пространства местного сообщества // Социально–гуманитарные знания. – 2016. – №8. – С. 143.
[2] Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Деятельность общественных организаций как фактор развития солидарных отношений в регионе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – №5. – С. 66.

доминированием неформальных практик в российском социуме, персонализацией социальных, особенно политических, феноменов, свойственных общественному сознанию, а также огромным разрывом между формальными институтами и неформальными практиками в политической и экономической сферах общества. Паттерны массового сознания российского общества достаточно инертны и воспринимают функционирование институций, как правило, через их персонификацию либо в контексте борьбы групп интересов. Принятие управленческих решений, действительно, сплошь и рядом носит спонтанный, внеинституциональный характер. Но, по–видимому, базовые факторы институционального недоверия коренятся в неэффективности либо абсолютной недейственности институтов в их способности реализовывать общезначимые цели с минимальным уровнем дисфункциональности. Так, выявляя закономерности институционального доверия в Тюменской области, Г.В. Ромашкина и В.А. Давыденко отмечают, что «уровень доверия прямо связан со всеми составляющими социального самочувствия. Однако наиболее тесно связаны доверие к суду, правительству, полиции, муниципальным органам власти с коэффициентом социальной защищенности, тогда как компоненты оптимизма связаны с уровнем доверия значительно менее тесно»[1].

Учитывая значимость факторов макросоциального уровня, следует учитывать также и тот факт, что доверие и недоверие во многом формируются на этапе ранней социализации индивида. Влияние непосредственного окружения проявляется в форме трансляции паттернов, связанных в том числе с доверием и недоверием к знакомым и незнакомым людям, к ситуациям, возникающим в повседневной жизни. Ряд исследователей относят доверие к тем поведенческим паттернам, которые формируются у индивида в раннем детстве и практически не изменяются в течение всей жизни. «Особенное влияние на индивида такой прямой опыт оказывает на ранних этапах жизни, существенно определяя в дальнейшем значимость доверия и его воздействие на интегральный экзистенциальный опыт. Подавляющее большинство людей впервые испытывают состояния, связанные с доверием или недоверием, еще с момента рождения, а часто даже во внутриутробный период»[2]. Очень часто в работах социальных психологов доверие человека к миру рассматривается как экстраполяция доверия к себе. «Человек всегда стремится к тому, чтобы уровень доверия к миру соответствовал уровню доверия к себе, что является гарантией относительной целостности и устойчивости личности и деятельности… Одним из средств объединения человека и мира в одну систему, в единую онтологию является доверие, которое всегда одновременно направлено в обе стороны – и в мир, и в себя. Разные пропорции или «количество» доверия, адресованного миру и себе самому, способны порождать разные стратегии поведения»[3].

И если в привычной социальной среде доминируют социальные практики, связанные с доверием или, напротив, с недоверием, соответствующий тип социального поведения будет рассматриваться индивидом как модальный и транслироваться им в дальнейшем.

Совокупность указанных факторов формирует социокультурную матрицу общества, в которой доминирует доверие или недоверие и на которой, в свою очередь, основываются массовые социальные практики. В результате доминирования в обществе соответствующих практик социальные институты, в идеале основанные на всеобщей уверенности в надежности норм и предсказуемости социальных ролей, претерпевают определенные изменения.

---

[1] Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Социокультурные основания институционального доверия // Власть. – 2014. – №12. – С.127.

[2] Джонсон Дж., Мельников А. Экзистенциальные аспекты доверия // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – №1. – С.78–93.

[3] Скрипкина Т.П. Доверие как социально–психологическое явление: автореф. дис. д–ра психол. наук. – Ростов–на–Дону, 1998. – С.24 – 25.

Результат деятельности институтов становится обусловленным огромным количеством трансакционных издержек и предохранительных механизмов против потенциальной нечестности абсолютно всех участников институциональных взаимодействий. Чиновники не верят гражданам, обратившимся к ним за решением проблем, и требуют от них бесконечных документальных подтверждений права на социальные услуги и блага. Высшее руководство государственных органов не доверяет рядовым чиновникам, подозревая их в коррупционных устремлениях и сомневаясь в их компетентности, и соответственно получают зеркальное отношение от своих подчиненных. В результате «стоимость» деятельности институтов начинает превышать пользу от их существования.

Граждане не доверяют чиновникам вне зависимости от их ранга, а заодно и государству в целом, отчасти по причине негативного опыта взаимодействия с ними, а во многом – экстраполируя на них собственные ценности и поведенческие практики. В результате регулятивная функция институтов девальвируется, поскольку никто уже не верит в их возможность осуществлять деперсонализированное воздействие на ситуацию, освобожденное к тому же от частных интересов должностных лиц. Как следствие, общество утрачивает не только ценностное, но и институциональное единство и для поддержания относительного порядка обращается к более архаичным практикам, утрачивая черты «современности».

Библиография/References:

1. Алишаускене Р., Есипова Н., Новикас С. «Поддержка народа»: что означает уровень политической лояльности в мире? (по материалам Gallup World Poll) // IV Международная социологическая конференция «Продолжая Грушина».– М., 2014. – С.9.–URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/ nauka/grusha2014/Gryshin_2014_sbornik_tezisov.pdf (дата обращения: 10.10.2016).

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

3. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et contra. – 2007. – № 3 (11). – С. 73–97.

4. Джонсон Дж., Мельников А. Экзистенциальные аспекты доверия // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 78 – 93.

5. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно–аналитический доклад. – М., 2013. – 184 с.

6. Еремичева Г., Симпура Ю. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. .– Т.2. – Вып.4. – URL: http://read.newlibrary.ru /read/eremicheva_g_simpura_yu_/page0/nedoverie_kak_socialnaja_problema_sovremennoi_rossii.html (дата обращения: 16.08.2016).

7. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 172 с.

8. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. – М.: ВЦИОМ, 2016. – 224 с.

9. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Социокультурные основания институционального доверия // Власть. – 2014. – №12. – С. 122 – 130.

10. Селигмен А. Проблема доверия. Перевод с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. – М.: Идея–Пресс, 2002. – 256 с.

11. Скрипкина Т.П. Доверие как социально–психологическое явление: автореф. дис. … д–ра психол. наук. – Ростов н/Д., 1998. – 392 с.

12. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90–х (отв. ред. Ю.А. Левада). – М.: Изд–во «Мировой океан», 1993. – 300 с.

13. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6 – 16.

14. Zak P.J., Knack S. Trust and Growth // Economic Journal. – 2001. – Vol. 111. – №470. – Pp. 295 – 321.

15. Luhmann N. Trust and Power. – New York: John Wiley and Sons, 1980.

1. Alishauskene, R., Esipova, N., Novikas, S. (2014) «Podderzhka naroda»: chto oznachaet uroven' politicheskoi loial'nosti v mire? (po materialam Gallup World Poll) [«The support of the people»: it means the level of political loyalty in the world? (Based on Gallup World Poll)] // IV Mezhdunarodnaia sotsiologicheskaia konferentsiia «Prodolzhaia Grushina» [IV International Sociological Conference «Continuing Grushin»]. – M. – P. 9. – URL: http://wciom.ru/ fileadmin/file/nauka/grusha2014/ Gryshin_2014_sbornik_tezisov.pdf (data obrashcheniia: 10.10.2016). (In Russ.)

2. Bauman, Z. (2005) Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualised Society] / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. – M.: Logos. – 390 p. (In Russ.)

3. Gudkov, L., Dubin, B. (2007) Illiuziia modernizatsii: rossiiskaia biurokratiia v roli «elity» [The illusion of modernization: Russian bureaucracy as an «elite»] // Pro et contra. – № 3 (11). – P. 73–97. (In Russ.)

4. Dzhonson, Dzh., Mel'nikov, A. (2009) Ekzistentsial'nye aspekty doveriia [Existential aspects of trust] // Sotsiologiia: teoriia, metody, marketing [Sociology: Theory, Methods, Marketing]. – № 1. – P. 78 – 93. (In Russ.)

5. Differentsiatsiia grazhdanskikh i politicheskikh praktik v Rossii: institutsional'naia perspektiva [Differentiation of Civil and Political Practices in Russia: Institutional Perspective]: Nauchno–analiticheskii doklad. – M., 2013. – 184 p. (In Russ.)

6. Eremicheva, G., Simpura, Iu. (1999) Nedoverie kak sotsial'naia problema sovremennoi Rossii [Distrust as a social problem of modern Russia] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. – T.2. Vyp. 4. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/eremicheva_g_simpura_yu_/page0/nedoverie_kak_socialnaja_problema_sovremennoi_rossii.html (data obrashcheniia: 16.08.2016). (In Russ.)

7. Kozyreva, P.M. (2011) Doverie i ego resursy v sovremennoi Rossii [Trust and its resources in modern Russia]. – M.: Institut sotsiologii RAN. – 172 p. (In Russ.)

8. Papakostas, A. (2016) Stanovlenie tsivilizovannoi publichnoi sfery: Nedoverie, doverie i korruptsiia [Civilizing the public sphere: Distrust, trust and corruption]. – M.:VTsIOM. – 224 p. (In Russ.)

9. Romashkina, G.F., Davydenko, V.A. (2014) Sotsiokul'turnye osnovaniia institutsional'nogo doveriia [Sociocultural Bases of Institutional Trust] // Vlast' [The Power]. – № 12. – P.122 –130. (In Russ.)

10. Seligmen, A. (2002) Problema doveriia [The Problem of Trust]. Perevod s angl. I.I. Miurberg, L.V. Sobolevoi. – M.: Ideia–Press. – 256 p. (In Russ.)

11. Skripkina, T.P. (1998) Doverie kak sotsial'no–psikhologicheskoe iavlenie [Trust as a socio–psychological phenomenon]: avtoref. dis. ... d–ra psikhol. nauk. – Rostov n/D. – 392 p. (In Russ.)

12. Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90–kh [Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90] (otv. red. Iu.A. Levada). – M.: Izd–vo «Mirovoi okean», 1993. – 300 p. (In Russ.)

13. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma (stat'ia pervaia) [Social change as trauma] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. – № 1. – P. 6 – 16. (In Russ.)